

Александр Петров

**ПЯТАЯ
СТОРОНА
СВЕТА**

Александр Николаевич Петров

Пятая сторона света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051413

Пятая сторона света Стихотворения:

ISBN 978-5-91627-129-4

Аннотация

Александр Петров – известнейший сербский поэт, который пишет еще и на русском языке. Его стихи переведены на 29 языков мира, включены во многие поэтические антологии мира. Сборники переводов его стихов (15) опубликованы в США, в Англии, Франции, Швеции, Испании, Польше, Румынии, Израиле, Китае, Тайване, Гонконге, в Японии. Лауреат государственных, профессиональных и литературных премий в Сербии и за рубежом.

Содержание

Бунимович о Петрове	6
Железо и бархат	11
Железо и бархат	11
О двух головах	13
Красная площадь	15
Смерть Мандельштама	18
Дела небесные	20
Варшава. Иерусалим	21
Смерть Романовых	22
Параллельное измерение	23
В русской церкви в Белграде	23
Кринка	25
Скрипач Дьябло	27
Параллельное измерение	31
Звучание красной лилии	33
Змей с площади клиши	36
Анима	40
Жар-птица	43
Последняя четверть	45
Франческа да Римини	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Петров

Пятая сторона света

Стихотворения

Александр ПЕТРОВ родился в 1938 в Сербии, в семье русских эмигрантов первой волны. Его мать Ирина Ипполитивна – из рода Каратеевых (прадед Александра стал прототипом одного из героев романа И. Тургенева «Накануне»), воспитанница Смольного института. Отец Николай Иванович – офицер-артиллерист Белой армии, дядя Александр Иванович – репрессированный полковник Красной армии (по делу Тухачевского). Жена Александра – Кринка Видакович-Петрова, бывший посол Сербии в Израиле, специалист по культуре сефардских евреев.

Александр Петров возглавлял Отдел истории литературы Института Литературы и Искусств (Белград) на протяжении 17-ти лет. Был председателем Союза Писателей Сербии (1986–1988) и в.д. президента СП Югославии (1987–1988). Член ПЕН-клуба с 1965. С 1993 года преподает в Питтсбургском университете. Занимается историей русской эмиграции и эмигрантской прессы, историей и теорией литературы, автор 25 книг. С 1993 – главный редактор старейшего (с 1906) журнала сербской истории и культуры «The American Srbobran» (Serb National Federation). Биография А. Петрова

опубликована в Dictionary of Literary Biography, v. 181, 1997.

Александр и сам – составитель двуязычной «Антологии русской поэзии XVII—XX век», (От Семена Полоцкого до Иосифа Бродского, Белград, 1977. Второе издание: «Антология русской поэзии XVIII—XXI век», Белград, 2011). Иосиф Бродский писал, что это лучшая антология русской поэзии, которая когда-либо выходила в свет. Впоследствии Бродский написал послесловие к книге А. Петрова, вышедшей на испанском языке.

Бунимович о Петрове

Стоит ли удивляться, что известный сербский поэт пишет стихи еще и по-русски, если его зовут Александр Петров?

Александр Петров родился в Сербии в 1938 году в семье русских эмигрантов первой волны. В его семье, в его судьбе, в его стихах – отражение тех «хождений по мукам», которые выпали многим русским семьям в XX веке. Его дед – прототип одного из персонажей тургеневского «Накануне», мать – воспитанница Смольного института, отец – белогвардейский офицер, а дядя – репрессированный по делу Тухачевского полковник Красной Армии.

Фантастическая и одновременно такая узнаваемая для России XX века биография «русского Гулливера» сербского поэта Александра Петрова – это не просто интересные факты для очередной литературной энциклопедии, а мучительный повод для размышлений на протяжении всей некороткой жизни поэта, для постоянных возвращений к истокам, поиска самоидентификации, осознания своего места во времени и пространстве и ощущения призрачности этого места.

Самые хрестоматийные события истории отзываются в поэзии Александра Петрова остро и неожиданно лично:

Мама – моя личная связь с Лениным.

Ленин – в Смольный. Мама – из Смольного.

Ленин из Смольного руководил революцией.
Мама в Смольном проходила гимназический курс.

В стихах о дяде А.Петров снова смешивает времена, города и страны, кажущиеся несовместимыми ипостаси одной личности, вехи одной жизни:

Конец сороковых. Нехватка туалетной бумаги.
Михаил Николаевич раз в неделю собирает газеты.
Блестящий студент из Москвы. Судья из Урошеваца.
Пенсионер с астмой в морской фуражке.
Бережно складывает листы «Политики».
Насвистывает оперную арию и разрезает кухонным ножом.
Колода газетных отрезков на доске у толчка.

Из этого постоянного «переселения друзей и родных, этих перелетных птиц» и возникает ощущение огромной и в то же время такой тесной планеты Земля, встреч и невстреч на роковых перекрестках истории, ощущение прозрачности и призрачности скрещенья судеб... Даже в таком акварельном портрете девушки:

Снишься мне, парижская
девушка,
корнями москвичка,
чародейка,
одетая как

гречанка,
с копьём
в руках.

Стихи Александра Петрова переведены на 29 языков, включены во многие поэтические антологии, в десятках стран – от США и Франции до Израиля и Японии выходили книги его стихов.

При такой человеческой и литературной биографии поэта и всех особенностях российской истории прошлого столетия одновременно удивительно и совсем не удивительно, что именно в России стихи Александра Петрова если и публиковались, то мало и редко, а отдельной книгой его русские верлибры и стихи, написанные на сербском, выходят в России впервые.

Слишком тесные и слишком непростые связи у поэта со своей прародиной. Едва ли могло появиться в СССР, например, такое написанное в 1972 году стихотворение, в котором

Мандельштам
с лопатой в руках ищет солнце,
зарытое на Красной площади.
Красная площадь просыпается
от стука его лопаты.

И дело здесь не только в аллюзиях, в запретном тогда имени опального великого поэта, в двусмысленном упоминании

главной площади советской державы. Дело и в непривычной форме поэтического высказывания. Ведь свободный стих, верлибр и сегодня, как известно, все еще зачастую странен и иностранен для отечественного уха, воспитанного на хрестоматийном силлабо-тонике школьной программы, а уж в те времена верлибр и вовсе воспринимался как нонсенс, если не крамола...

Меж тем Александр Петров тонко и точно знает и чувствует русскую поэтическую традицию, еще в 1977 году он составил и с большими трудностями издал в Белграде двуязычную «Антологию русской поэзии XVII–XX века». Иосиф Бродский тогда писал, что это лучшая антология русской поэзии, которая когда-либо выходила в свет, а позже написал послесловие к книге стихов Александра Петрова, вышедшей на испанском. Совсем недавно, в 2011-м, в Белграде вышло новое издание его антологии русской поэзии, включившей уже и XXI век.

Александр Петров, известный сербский литературовед, поэт и прозаик – заметное и яркое олицетворение близких связей сербской и русской культуры, уходящих в глубь столетий. А связи эти весьма причудливы. Так, именно с именем серба из Герцеговины Саввы Владиславича, в начале XVIII века принятого в Посольскую канцелярию Петра I, связано появление при русском дворе вывезенных из Константинополя нескольких «арапчат», среди которых был и прадед Пушкина...

Впрочем, все биографические и географические подробности жизни поэта – не самое главное. Ведь куда бы судьба его не забросила Александра Петрова, где бы он ни жил – в Белграде, в Москве, в Питтсбурге (где А. Петров преподает в местном университете) или в Иерусалиме (где его жена была послом Сербии в Израиле), у поэта всегда одно на уме (и на языке) – «Как накинуть узду и набросить седло / на семь падежей, которые водятся с Богом...».

Евгений Бунимович

Железо и бархат

Железо и бархат

Железа лязг!
Бархата нега!
Их священный союз —
от века,
как руки и перчатки,
как соли и хлеба.

Скрип пера,
затем скрип сапог

и снега.
Снега, снега.

Вот и весна играет первую скрипку.
Чугунные струны.
Бархатная синева.
В их радушном объятии
цветет подснежник,
красной окраски.

Железа блеск!

Бархата лоск!
Сплочены навеки,
как фитиль и воск,
они со страстью
и лаской
закаляют калину.

А нам,
перед смертью,
как в детстве,
мечтать уж об одном:
о крынке,
с молоком.

1991.

О двух головах

Революции неистовые
поэты. Смелчаки.
Словно о двух головах.
Одна танцует от печки.
Другая в облаках.

У первой лицо
в огневых точках,
как в веснушках.
Лица второй не видно.
Она взвилась свечой
к солнцу и свет
излучает потомкам
и грядущим векам.

А мы, потомки,
вникаем в потемках
в души поэтов,
сведенных теми
на нет.

Души,
оказавшись в нетях,
приобретают лицо.
И у молодых

вид стариков.
Им тогда
уже было сто лет.

В один год
они жили два.
И три. И век.

Резню
предназначенную для всех,
не Бог весть кто,
а он, она,
до дна глотнули.

Узнаешь резьбу
общей судьбы
в стихах
со сноской: автор убыл?

Не снес головы,
единственной,
в головокружительные годы.

1990

Красная площадь

ДЕВУШКА

Девушка бежит босиком по Красной площади.

Горячая Красная площадь.

У девушки загораются ноги.

Девушка взлетает.

Она летит над Красной площадью.

Народ в изумлении смотрит.

Кто поверит своим глазам?

Кто не верит, что видит эту девушку,

для того

этой девушки

нет.

Нет.

МАЛЬЧИК

Мальчик идет по Красной площади.

Идет на руках.

Мальчик видит небо.

Оно золотое.
В небе стоит собор.
Пустой собор.
Только свечи горят.
Мальчик хочет перекреститься.
Или вытереть лоб.
Горячий от пота.
Мальчик падает.
На Красной площади
золотая голова.

КРАСНАЯ КОШКА

На Красной площади черная кошка.
Кто-то сошел с ума.
Нет больше черных кошек.
На моей кровати красная кошка.
У нее под левой грудью стучит молоток.
Красивая красная кошка.
У нее звезда на животе.
Пылающий серп под звездой.
Что делать со жгучей красной кошкой?
Подарить красную кошку Красной площади.

СОН КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Я вижу сон.
Это Красная площадь спит.
Я читаю стихи на Красной площади.
В моих стихах Мандельштам
с лопатой в руках ищет солнце,
зарытое на Красной площади.
Красная площадь просыпается
от стука его лопаты.

1972.

Смерть Мандельштама

На переломе года,
в последних числах декабря,
была опубликована статья
о том, что отыскан ров,
куда был зарыт
Осип Мандельштам.
Там есть чертеж,
и в нем все налицо:
саперная сопка,
крепость, бараки, лазарет,
где так и не лежал поэт,
как думал искусствовед,
чья это была находка,
хоть находка слово не то.

Уже после него, зэк
очевидец описал смерть.
Холод. Карантин. Тиф.
Их повели на санобработку.
Но без воды. Мандельштам
сдал в жар-камеру одежду
и в одевалке, гол,
свалился на пол.
Уголовники тело
облили сулемой,

вынесли на двор
и, отметив Новый год,
втоптали в морозный
каменный ров.

Ему, рожденному в ночь
со второго на третье января,
по Юлианскому календарю,
не умирать было весной
или в летнюю жару.
Пламени было невмочь
поглотить поэта-осу.
Под силу оказалось
камню и льду.

Дела небесные

«Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет»

Он не был равен им,
бронированным,
стальным?

Полный диск луны
был виден в декабре
не раз, а дважды
над Кремлем.

Лишь для невежд
в делах небесных
то был сюрприз.
Знатокам гнезда
(слепой ласточки)
на ладони поэта —
осуществление надежд.

Наступил, что в лоб,
почем зря,
Мандельштама год.

1991.

Варшава. Иерусалим

Два брата. Одна сестра.
Родились в одном и том же
двадцатом веке.
Один брат родился в России.
Один брат родился в Германии.
Сестра родилась в Польше.
Все трое родились
в одной и той же комнате.
У брата, который не русский,
сын француз.
У брата, который не немец,
сын не француз.
Он не поляк. И не русский.
Сын свой собственный предок.
У сестры нет сыновей.
Она вечная девушка.
Прозрачная как воздух.
Легкая как пепел.

Смерть Романовых

Смерть —
расстрел в подвале —
спасла их от забвения.
Смерть
рукой суровой
дала им в дар
венец страдания.
Смерть
от пули,
огневой кистью
блеск вокруг их голов
запечатлела.
Но сияния, после падения,
пришлось ждать
почти век.
Время
без начала и конца —
не человек-скорописец.

2013

Параллельное измерение

В русской церкви в Белграде

Мальчик прислуживал
в русской церкви в Белграде
в белом стихаре.
Перед алтарем, со свечой,
он стоял между Спасом
и паствой,
молившей за себя и тех,
кто остался на кресте.
Они сошли. Каются ли в этом?
Или же они хлеба,
убраны Его рукой
и ссыпаны сюда в амбар?
Ведь светятся у них
в глазах
поля, покрытые жнивьем.
За церковной стеной
их ждет
несожженный корабль.
А мальчика дом.
Здесь восприемник
вложил ему в уста

иной язык,
пьянящий его
своим вином.
Но, вот, он молится
на том
ржаном, родном.

1991

Кринка

Кринке П.

1

В родном языке
глиняное имя твое
кипит молоком,
как родник
в горах
бьет ключом.
Обжегшись на кровинке
обливки простой,
я на воду не дую,
а горю свечой.
Глубиномер гончара
пропал в огне.
Тебя не измерить
на глаз.
Лишь познать
душой.

Глиняное имя твое
в языке родном
кипит как родник
и пахнет молоком.
Обжегшись на кровинке
обливки простой,
я на воду не дую,
а горю свечой.
Гончар-глазомер
сгорит уж в огне.
Ты же прах его
береги, у себя,
на дне.

1991

Скрипач Дьябло

На кой черт
я в моем оркестре
главный дирижер,
когда первую скрипку
играет парень —
и не старый и не молодой,
ростом карлик,
своего прозвища
достойный —
Дьябло.

Его без толку
убеждать,
что в звукоряде
вообще возможен
лад.
Чертовски хитрый,
спросит он —
«А на кой ляд?».
«Ведь мыслить,

что суть мира в красоте,
в добре, в ладу
и в полноте бытия,
и что в искусстве просвечивает

мираздания идеальная основа

—

не что иное,
как чтить снова
богиню древних славян —
Ладу.

Нет, здорово,
что вокруг
ее сердцелистной липы
девушки водили
хороводы.
А у меня, кстати,
рождаются из ели
гипнотические скрипы.

Но соблазнение трением —
к чему?
Не спасет же
дочь Зевса
Гармония
своим сладкогласием
никого от падения,
от гибели,
от тления.

Господин
обворажительный дирижер,
воздушного корабля кормчий

(и тем не менее зануда),
позвольте, пусть вам объяснит
запретных истин
и языков толмач,
и скрипач ниоткуда,
что исходная черта
искусства —
сюприз!
Вдруг в звуковом
ладу – раз-лад!

Верь, не верь,
в плавном звучании,
не только оркестра,
неожиданный звук,
похожий на пение дверей
или на треск дерева,
на клеск бича —
это судьбы всплеск,
ее властный стук
и блеск».

Да, скрипач,
возможно, ты прав.
Но вопрос, вот вопрос,
Диабло мой,
как быть в ладу
с судьбой?

2010

Параллельное измерение

Кринке

Параллельное мое измерение —

защищено оно

тишиной,

ну, как дом

приосенен крестом.

За семью

печатями немоты

стоит

четвертый чертог.

В него не проникнет

ни голос из гортани,

ни воздыхание

души.

Не нарушит тишь

ни тени шум,

ни глухого колокола

гул.

Но вдруг как будто

с трубой ангел

пролетел.

В безветрии

слышно

дыхание ветра,
в молчании —
светлых гласных разгул.

И под строгим
дозором
раздался в этом измерении —
оно без путей и дорог —
зов таинственного
рога.
Отозвалась
oboa d`amore.

Умер я,
что ли?
На безмолвном полотне
звонкий рисунок
крина
поет без усилий.
В безначальном беззвучии
звучат ароматы
лилии.

2011

Звучание красной лилии

Людвиг Таинственный,
ван Бетховен,
отец девяти гармоний
(не узнававший под старость
своих дочерей),
даже в «Пасторали»
не подражал
просто звукам ручья,
соловья, грома.
Маэстро чертил
на незримом полотне,
как у словесной твари
на божьей планете
и в жизни природы
звучит страсть зачатия,
беременности нежность
и радость, с которой
кончаются роды.
И, конечно,
запечатлял трепет испуга
в присутствии недруга —
смерти.

Пётр Скрытный,
Чайковский,

пленник отчаяния,
образ судьбы
воображал как —
стук.
Ведь слово,
любовь,
оно – звук.
Вселенная тоже – звучание.

Густав Противоречивый,
Малер, учитель,
блуждающий по морям,
и блюститель
земных песен,
тем не менее
замыкался плотно
во внутренний мир,
тревожа его,
как алкоголь печень.

И хотя я не мастер по созвучию,
но внимаю и я жужжанию
красной лилии
и прислушиваюсь,
как из её дыхания
на мою ладонь
течет в обилии
мед.
А кто там поёт?

Кто стонет и плачет?

Колено? Плечо?

Лоб?

2011

Змей с площади клиши

Снишься мне,
парижская москвичка,
девушка двадцатилетняя,
корнями с проспекта
фельдмаршала Михаила
Илларионовича,
характером снежная,
волшебная.

Снишься мне, князю,
князя Кутузова старше,
по прожитым годам,
конечно ...

А говорят, что в смерти
время не в счет,
что в мире ином
все морщины сглажены
и все мы ровесники.

Но князь, хотя к познанию
подсознания склонный
и сединой овенчаный,
о секретах Танатоса
и Хроноса
мало ведаёт,

почти невежда.
Ему иногда
только кажется,
что перед дверьми
энтропийного ада
бывает он
скрытыми прелестями
вдруг воскрешен.

Снишься мне,
парижская девушка,
москвичка корнями.
Надо мною стоишь
как трилистная арка,
выше всех крыш и башен
на площади Клиши.

Станцуй мне,
прошу,
последнее,
должно быть, помнишь,
белое, зимнее
танго.
И вот одной ножкой
девушка-арка
в облаках,
другой
на моё плечо
снизошла.

И светится она
лучом
у меня в темноте,
где змей,
все ещё яхонтовый,
просыпается под ребром.

Горят его глаза,
хочет он,
не чуя бедствие,
чтобы мышка,
с чёрно-лиловыми зрачками,
прибежала с арки
к нему в берлогу,
в сумасшествие.

Снишься мне, парижская
девушка,
корнями москвичка,
чародейка,
одетая как
гречанка,
с копьём
в руках.

Богиня,
змея
давай объём

или же лаской
его угомоним,
вдвоём.

2010

Анима

Нет,
ты – не тень.
И зря
твердишь,
что ты лишь
отражение мое.

«Я тень твоя, —
твой слышен шепот —
незащищенного
от полночных,
бессонных лучей.
Я только тёмное
пятно в взволнованной
тишине,
глубоко в тебе,
на дне.

Наверное —
не умолкает шелест —
ты любишь образы ...
Ну, вот и образ,
вот и вид мой мгновенный,
как явление иконы
в пустыне.

Я привидение
в разбитом зеркале
лба.

Вернее,
если хочешь,
призрак черной кошки
на внутренней
и раскаленной
поверхности виска.
Словом,
я – та».

Нет, ты не
невидимка.
Забыла
облик свой,
обиженной?

«Я не твоя преданная
вдыхательница,
не девица-поклонница.
Я железобетонная,
с ног не собьёшь;
они, как у балерины, —
стальные.
И нервы,
тоже».

Нет,
ври – не ври,
но твои нервы
не чугунные,
не отлитые
в доменных
печах.

Да, ты девушка-солдат,
смелый воин,
даже когда на поле боя
остаешься одна.

Не то что я, —
иной у меня сплав,
и не металл,
и не черный.

А голова —
сегодня на плечах,
а завтра, быть может,
в корзине.

Но нервы
у нас двойники,
та же чувств
напряженность,
и, что ж,
та же дрожь.

Жар-птица

«Я уже не горю!» —
сказала жар-птица.
А парень ей
в ответ – «Гори!»

«Гори внутри,
как уголь,
жаром
и снаружи
опереньем.

Перо твое
– луч.
Живуч, могуч,
не застится
ничем.

Сказочный герой
твоим лучом
сердце царевны
разогрел, как сургуч,
и присоединил
к себе —
вернул дереву
золотой иверень.

А тебе
я верный,
как бумаге —
перо.

Голову тебе отрежу,
сердце выну,
черное пламя начну пить,
о жар-птице, девице,
буду мечтать,
писать, говорить».

2011

Последняя четверть

Вот, кажется, как
в сказке – «вдруг!».
Человек,
добряк он или чудака,
сноброд или сумасброд,
скользнул,
без казни,
болезни, возни
и тормозни,
в последнюю четверть жизни.

В нем,
бывает нередко,
ночная бабочка
не спит. А в черепе
горит лампадка.
Он становится
человеком-ночником
и чувствует, как
на спине
часы спешат, считая
его век.

Последняя четверть
луны

ходит вокруг
его головы.
И спутницы темной,
воровки
(потому и светит),
тело тоже стареет,
но она новолунье
носит в запасе,
как имущество,
унаследованное без заслуг.

Число дней,
часов, секунд
до её возрождения
словно врезано
в камень,
лунный или земной.
Она сегодня
вываливается,
как старуха у Хармса,
из окна,
а завтра на веточке яблони
будет сидеть – красивая, молодая,
вроде, без греха.

Не то что он,
человек!
Он – беззапасный.
Всё, что годами

копил, хранил, боронил
от порчи, прятал – зря!
Не впрок!
В запасе у него
не когти,
как у кошки —
смерть не испугнет,
когда стукнет срок.

Четвертой четверти
конец не отсрочить,
как свадьбу.
А блины,
водка, селедка, икра —
годны для покойника
и для жениха.
Как и труба.

Но в его почтенном возрасте
разница между похоронами
и женитьбой
(или просто сексом,
если еще мужчину
привлекают зрелые дамы) —
в таблетках виагры.

Афродизиаки,
в том другом мире,
ни к чему.

Как и клистир,
между прочим.

А когда ангел
начнет трубить,
что до его ног
доползла
заветная черта, —
никто не знает.
Знает – Бог.
Ну, и черт,
виновник торжества.

2011

Франческа да Римини

Виктору Дозорцеву

1

Конечно, вы
читали этот ветер,
смерч под корнями сумрачного леса,
под пластами красной земли.

И адского спектакля
вам режиссер
известен,
он враг мракобеса
и сторож
непричудливой любви.

Он телеса
грешников,
в плену у страсти,
несравнимой ни с чем
под малым небосводом,
превращает в тени.

А в вечных селениях
над скорбной тенью
властен огненный вихрь,
продувший и меня,
хоть был я там, в аду,
пока как зритель.

Вергилий,
нетленный
и как “родник
бездонный”,
он и мой учитель.

А в веру
погруженный
Данте Алигьери —
он сострадающий проводник
в повести
о гибели в час любви
Паоло Малатеста
и Франчески да Римини.

2

Стихи о горестной любви
в духе модерн
пишу, сидя за компьютером.

Поэт символист,
кстати, мой тёзка,
Блок и, дыша ароматом
мороза и духов,
его Франческа
очитывают лист,
но не о Ланчелоте
сладостный рассказ,
а о пузырях земли
в “Макбете”.

“Жаль!”, —
шепчет еще в цвете лет
Александр Блок.
“Пока читали,
мы не отстранили маски.
В пьесе двинулся лес,
а мы сидели, почти
как на картине Матисса,
в роскоши и покое,
но в светской одежде
и без наслаждения,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.